

Научная статья
УДК 81'362

Отражение символического обряда посвящения в рыцари в старофранцузском «Ordene de chevalerie» (на материале стихотворного и прозаического списков XIII века)

А. О. Манухина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
amanuhina@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуются способы выражения символического содержания обряда посвящения в рыцари на материале двух списков XIII века, прозаического и стихотворного, анонимного старофранцузского сочинения «Ordene de chevalerie». Рассматривается специфика описания каждого этапа ритуала, где все действия и предметы обнаруживают скрытый сакральный смысл. Таким образом реализуется прагматическая цель произведения – создать идеальный образ христианского рыцаря, и образ врага, поверженного не оружием в бою, а силой веры и убеждения.

Ключевые слова: диахронические исследования, нравственные стереотипы, Средневековье, письменные памятники, Крестовые походы

Для цитирования: Манухина А. О. Отражение символического обряда посвящения в рыцари в старофранцузском «Ordene de chevalerie» (на материале стихотворного и прозаического списков XIII века) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 82–88.

Original article

Reflection of the Symbolic Rite of Knighthood in the Old French “Ordene de chevalerie” (based on the material of the poetry and prose lists of the XIII century)

Alla O. Manuhina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
amanuhina@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of ways of expressing the symbolic content of the knighthood rite on the material of two versions, prose and poetic, of the anonymous Old French composition “Ordene de chevalerie” written in the 13th century. The specifics of the description of each stage of the ritual are considered, where all actions and objects of reality reveal a hidden sacred meaning. Thus, the pragmatic purpose of the work is realized – to create an ideal image of a Christian knight, and the image of an enemy defeated not by weapons in battle, but by the power of faith and conviction.

Keywords: diachronic studies, moral stereotypes, Middle Ages, written monuments, Crusades

For citation: Manuhina, A. O. (2024). Reflection of the symbolic rite of knighthood in the old french „Ordene de chevalerie” (based on the material of the poetry and prose lists of the XIII century). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4 (885), 82–88.

ВВЕДЕНИЕ

Письменные документальные свидетельства Крестовых походов, написанные и оформленные в соответствии с традициями эпохи и устоявшимися канонами, отражают систему нравственных стереотипов рыцарей-крестоносцев.

Материалом статьи служат два списка сочинения «Ordene de chevalerie»: прозаический и стихотворный, восходящие к единой первоначальной архетипической рукописи, утраченной, видимо, еще в Средние века. Прозаический список был найден как интерполяция в анонимной старофранцузской хронике XIII века «Estoire de Eracles l'empereur et la conquete de la terre d'outremer». «Estoire de Eracles», в свою очередь, представляет собой вольное переложение более ранней латинской хроники Гийома Тирского «Historia rerum in partibus transmarinis gestarum», но этот рассказ встречается только в старофранцузском переводе: «Notez que Guillaume de Tyr ne dit pas un mot de cette Histoire de Chevalerie, mais que notre present traducteur l'a, de lui-même intercalée, entre les Chapitres XXIX et XXX du XXIème livre de l'édition» [Edbury, 2007, с. 338]. Только в наши дни «Ordene de chevalerie» был идентифицирован как самостоятельное произведение, имеющее литературную и историческую ценность [Jubb, 2016]. Стихотворный же список был известен еще с XVIII века и опубликован его первым исследователем Этьеном Барбазаном в 1759 году [Barbazan, 1759]. Время создания обоих вариантов – до 1250 года, и до сих пор нет точных данных, который из них был создан первым. Данные памятники французского письменного-литературного языка XIII века привлекаются в качестве материала лингвистического анализа впервые.

Главным героем «Ordene de chevalerie» является реальное историческое лицо – Гуго II де Сент-Омер, сеньор Тивериады. О нем как об участнике Крестового похода упоминается, помимо самого «Ordene de chevalerie», в латинской хронике Гильома Тирского [Recueil ... 1849] и в старофранцузской «Estoire de Eracles» [Jubb, 2016]. Однако сама история, описанная в «Ordene de chevalerie», полностью вымышленна анонимным автором. Гуго II де Сент-Омер действительно был пленен Саладином в 1179 году, но подобный эпизод (встреча пленного рыцаря Гуго с султаном Саладином, уважение со стороны Саладина и просьба султана принять его в рыцари) никогда не мог существовать. Однако вопрос об исторической истинности описанного здесь факта не являлся для средневекового автора принципиальным. Очевидно, как в прозаическом, так и в стихотворном варианте «Ordene de chevalerie» зафиксирована распространенная в то время народная

легенда, и этот эпизод умышленно был вставлен в старофранцузскую хронику в дидактических целях. Признание со стороны врага, тем более правителя и военачальника – лучшая похвала, которой мог бы удостоиться рыцарь-крестоносец, и его пример должен был быть назиданием молодым рыцарям. Оба списка «Ordene de chevalerie» детально описывают обряд принятия в рыцари, но имеют некоторые расхождения. Рассмотрим, каким образом вербализован этот символический ритуал в обоих вариантах.

ОБРАЗ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ

Гуго II де Сент-Омер из Тивериады (Hues de Tabarie le conte de Triple [Jubb, 2016, с. 21]), указан в прозаическом списке сочинения как *jovenes hom* (молодой человек):

Il estoit jovenes hom saiges et cortois et molt avoit la graise de tous, mais assez d'autres en i ot pierdus ki n'estoient pas si riche home [Jubb, 2016, с. 21]. – Он был молодым человеком, мудрым и куртуазным, и имел изящество во всем, но много что другое он потерял, так как он не был богатым человеком¹.

Действительно, на момент пленения Гуго было 24 года. Несмотря на молодость, он характеризуется как *saiges et cortois* (мудрый и куртуазный). Следует отдельно выделить его добродетель *courtoisie*, которую мы условно переведем как куртуазность, куртуазия. Появление такой добродетели связано с произошедшими в начале XIII века изменениями в негласном кодексе чести рыцаря: «светский мирской кодекс куртуазии», согласно Жаку Ле Гоффу, «характеризует искусство жить, представляет кодекс идеальных норм земного поведения» [Ле Гофф, 1991, с. 32] и подразумевает соблюдение идеалов сословной чести и доблести и нравственное совершенство. Именно этот аспект, куртуазность рыцаря, анонимный автор подчеркивает конструкцией *molt avoit la graise de tous*. Положительная оценка рыцарю усиливается выражением *n'estoient pas si riche home*, в котором отражена средневековая мораль, сложившаяся под влиянием католической церкви: «в бедности видели состояние более угодное Богу, нежели в богатстве» [Гуревич, 1984, с. 135].

В стихотворном варианте добавляются следующие подробности:

Par la bataille un Prinches vint
Hue ot non de Tabarie
O lui ot grant compaignie

¹Зд. и далее перевод наш. – А. М.

De Chevaliers de Galilée
 Car Sir estoit de la contrée
 Assez fissent d'armes chel jour
 Mes il ne plot au Creatour
 C'on apele le Roy de Gloire
 Que li nostre eussent victoire
 Car fu pris le Prinches Hues [Barbazan, 1759,
 с. 113]. – После битвы к нему попал принц,
 По имени Гуго из Тивериады
 У него было большое войско
 Рыцарей из Галилеи
 Так как он был сеньором этой области
 Достаточно они воевали в тот день
 Но не понравилось Создателю,
 Которого называют Царем царей,
 Чтобы наши имели победу
 Так как был взят принц Гуго

В данном фрагменте Гуго изображен как военачальник (*ot grant compaignie*) и правитель (*Sir estoit de la contrée*). Отдельно отмечено, что Гуго командовал крестоносцами из Галилеи, т. е. рыцарями-монахами, что возвышало его статус в глазах современников.

Таким образом, в обоих изученных отрывках этот персонаж практически утрачивает черты реального исторического лица, связанного с конкретными событиями. Гуго II де Сент-Омер представлен как идеал рыцаря, полностью соответствующий нормам социума как в отношении исполнения воинского долга, так и в соблюдении норм морали. Даже поражение в бою не умаляет его достоинств – провал экспедиции крестоносцев приписывается не ему лично, а промыслу Бога.

ЭТАПЫ ПОСВЯЩЕНИЯ В РЫЦАРИ И ИХ СИМВОЛИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Первый шаг посвящения в рыцари описан в обоих вариантах «Ordene de chevalerie» с незначительными различиями. Так, в прозе он изложен более кратко:

Il le mist en un baing et li dist: «Sire, cist bains vos done a entendre que ausi nés et ausi purs et ausi mondes que li enfes de pechié devés vous issir de cest baing sans nul empeeement de vilonnie». Et Sahlehadins li dist: «Hues, cist commencemens est molt bia[u]s» [Jubb, 2016, с. 23]. – Затем он его поместил в ванну и так сказал: «Эта ванна Вам дает понять, что Вы такой же обновленный, такой же чистый, такой же непорочный, как ребенок, грехи должны выйти из Вас в этой ванне без всякого препятствия от мерзости». И Саладин ему сказал: «Гуго, это начало очень прекрасно».

В стихотворном сочинении добавлены детали, касающиеся исключительно светских рыцарских добродетелей:

Tout ensement com l'enfechons
 Nés de pechié ist hors de fons
 Quant le bapteme est aportez
 Sire tout ensement devez
 Issir sans nule vilounie
 Et estre pleins de courtoisie
 Baignez devez en honesté
 En courtoisie et en bonté
 [Barbazan, 1759, с. 116]. –
 Таким образом, как младенец
 Невинный без греха из этого источника,
 Когда совершено Крещение,
 Господин, Вы конечно, должны,
 Выйти без всякой мерзости
 И быть полным куртуазности,
 И должны пребывать в честности,
 В куртуазности и во благе.

Этот этап отражает специфику символического изображения, пронизывающего всё произведение «Ordene de chevalerie»: обычная ванна воспринимается участниками действия как христианская купель для совершения Таинства Крещения. Цель омовения – очищение от греха (*pechié devés vous issir*) и обретение утраченной чистоты. В обоих текстах присутствует оценочная оппозиция «порок – чистота и добродетель». Сема «порок» вербализована лексемой *vilounie* (*vilenie*¹ – *мерзость, грязь, гадость, низость*). Сема «добродетель» – лексемами *nés* (*neuf*² в значении «девственный, чистый, невинный, обновленный», ср. в современном французском *païs neuf* – *девственная, неисследованная страна*³, *purs* (*чистый, непорочный*)⁴),

¹Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle (composé d'après le dépouillement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimés qui se trouvent dans les grandes bibliothèques de la France et de l'Europe et dans les principales archives départementales, municipales, hospitalières ou privées). Paris: Emile Bouillon, libraire-éditeur, 1889.

²Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle (composé d'après le dépouillement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimés qui se trouvent dans les grandes bibliothèques de la France et de l'Europe et dans les principales archives départementales, municipales, hospitalières ou privées). Paris: Emile Bouillon, libraire-éditeur, 1889.

³Гак В. Г., Ганьшина К. А. Новый французско-русский словарь. 5-е изд., испр. М.: Рус. яз., 2000.

⁴Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle (composé d'après le dépouillement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimés qui se trouvent dans les grandes bibliothèques de la France et de l'Europe et dans les principales archives départementales, municipales, hospitalières ou privées). Paris: Emile Bouillon, libraire-éditeur, 1889.

mondes (непорочный, невинный¹), *courtoisie* (куртуазность, куртуазия), *honesté* (честность, честь), и *bonté* (благо, доброта). Для эмоционального усиления эффекта высказывания в прозаическом тексте употреблен плеоназм: сопряжение в одном контексте синонимов *nés, purs* и *mondes*. Рассмотренные лексические единицы можно считать тождественными, тем более что указанные здесь оттенки значения выявляются лишь в контексте.

Начало церемонии вызывает реакцию одобрения у Саладина (*cist commencement est molt bia[u]s*). Такое поведение можно рассматривать как символ доверия и даже смены ролей: великий правитель-сарацин подчиняется плененному им христианину-крестоносцу.

Второй этап принятия рыцарства символизировал обретение рая и вечного покоя:

Aprîs il le fist issir dou baing et couchier en un lit tout novel et li dist: «Sire, cist lis vos doune a entendre le grant lit de repoz que vos devez conquerre par vos chevalerie [Jubb, 2016, с. 24]. – После он заставил его выйти из ванной и лечь на совершенно новое ложе и сказал: «Господин, это ложе Вам дает понять, что это и есть ложе покоя, которое Вы должны завоевать Вашим рыцарским служением»

Si le coucha en un bel lit.
Sire, fait- il, che senefie
C'on doit par la Chevalerie
Conquerre lit en Paradis
Ke Diex ottroie à ses amis
Car chou est li lit de repos
Qui la ne sera, mout ert sos.
[Barbazan, 1759, с. 117]. –

И он уложил его на прекрасное ложе.
«Господин, – сказал он, – это значит,
Что нужно рыцарским служением
Завоевать ложе в раю,
Которое Бог предоставляет своим друзьям,
Так как это ложе покоя,
И кто там не будет, будет весьма глуп».

Примечательно, каким образом в обоих письменных памятниках описано ложе (*lit*) как символ рая и вечного покоя. Слово сочетание *lit de repoz* (букв. 'кушетка') в данном контексте предстает как символ смертного одра и места вечного упокоения

¹Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle (composé d'après le dépouillement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimés qui se trouvent dans les grandes bibliothèques de la France et de l'Europe et dans les principales archives départementales, municipales, hospitalières ou privées). Paris: Emile Bouillon, libraire-éditeur, 1889.

и отсылает нас к нравственным христианским канонам эпохи Крестовых походов. Смерть, как обретение покоя и рай, как символ отдохновения в раю, который следует завоевать в походе, считалось наивысшим благом для рыцаря, что и нашло отражение в лексемах *repoz que vos devez conquerre par vos chevalerie* и *par la Chevalerie conquerre lit en Paradis*.

Третий этап – облачение в белые льняные одежды (*blans dras de lin*) как символ чистоты:

Aprîs il le fist lever et le fist vestir d'uns blans dras de lin et li dist: «Sire, cist blans dras vos dount a entendre virginité que vos devez garder» [Jubb, 2016, с.24]. – Затем он заставил его подняться и облачиться в белые одежды из льна и сказал: «Господин, эта белая одежда Вам дает понять, что Вы должны соблюдать целомудрие»

Si l'a vestu De dras blans
Qui erent de lin;
Lors dist Hues en son latin :
Chis dras qui sont pres de vos char
Tout blanc nous donnent à entendre
Que Chevaliers doit ades tendre
A sa char netement tenir
Se il a Diu veut parvenir
[Barbazan, 1759, с. 117]. –

Он его одел в белые одежды,
которые были из льна
И тогда сказал Гуго на своей латыни:
Эти одежды, которые близки к вашей плоти,
совершенно белые, дают вам понять, что Рыцарь
должен отныне
Свою плоть строго содержать
Если он хочет достигнуть Бога

Геральдический белый цвет означает для рыцаря чистоту души. Белые одежды (под *blans dras de lin* имеется в виду тонкая белая льняная туника, которую обычно носили рыцари-аристократы под верхней одеждой) представляется христианским символом целомудрия (что вербализовано в тексте лексемой *virginité*) и усмирения плоти (выраженного словосочетанием *char netement tenir*).

Следует отметить, что эту речь Гуго произносит на латыни (*dist Hues en son latin*), что подчеркивает его образованность и интеллектуальность.

Четвертый этап состоит в возложении на Саладина алых риз как символа защиты Церкви и самопожертвования:

Aprîs il le ve[s]ti une robe vermelle et li dist: «Sire ceste reube vos done a entendre le sanc que vos devez espandre por sainte esglise maintenir et deffendre»

[Jubb, 2016, с.24] – Затем он одел его в алые ризы и сказал: «Господин, эти ризы вам дают понять, что вы должны проливать кровь во имя Святой Церкви, ее поддерживать и защищать».

Après li vest robe vermeille
Sire, cheste robe vous done
Pour Diu server et hounorer,
Et pour sainte Glise deffendre
[Barbazan, 1759, с. 117]. –

Затем он одел его в алые ризы.
Господин, эти ризы Вам даны,
Чтобы Богу служить и его почитать,
И чтобы защищать Святую Церковь

Использование эпитета *vermeille* (алый, пунцовый) при существительном *robe* (одеяние, плащ, мантия, ризы) присутствует в обоих текстах, но только в прозаическом варианте алый цвет риз эксплицитно сравнивается с кровью и жертвой во имя христианской церкви (*roube vermeille* → *le sanc expandre por sainte esglise*), в стихотворном списке такое сравнение имплицитно, и акцент делается на служении Богу (*Diu server*) и защите Церкви (*sainte Glise deffendre*).

В обоих текстах есть эпизод символического надевания чулок. Чулки, которыми рыцарь попирает землю, должны напоминать ему о скоротечности жизни:

Après il li chauça une[s] chausces brunes de soie et li dist: «Sire, ces chausces vos donent a entendre la terre dont vous estes venus et la ou vos repartés» [Jubb, 2016, с. 24]. – Затем он одел на него коричневые чулки из шелка и сказал ему: «Господин, эти чулки вам дают понять о земле, откуда вы вышли и куда вы вернетесь».

Коричневый цвет ассоциировался с землей и трактовался в христианской католической традиции как «прах земной». Анализируемый отрывок – один из ранних примеров культурного феномена *Vanitas Vanitatum* (*суета сует*), который получит широкое распространение полтора столетия спустя, в позднее Средневековье.

Стихотворный фрагмент практически полностью дублирует прозаический текст:

Après li a cauches cauchiés
De saie brune & delijées.
Par cheste cauchement noire
C'aijez tout ades en memoire
La mort et la terre ou girez
Dont venistes, & ou irez
[Barbazan, 1759, с. 117]. –

Затем он одел на него чулки
Из коричневого шелка и легкие
С помощью этих чулок
Пусть у вас будет в памяти
Смерть и земля, где вы упокоитесь
Откуда вы вышли и куда вы вернетесь.

Интересно, что в качестве аллегории бренности выступают *chauses / cauches* (букв. «чулки») – типичная средневековая повседневная западноевропейская одежда – *шоссы*. Шоссами назывались мужские высокие чулки, доходившие до бедра, преимущественно темного цвета (черного, коричневого или темно-зеленого), которые производились из сукна или шерсти для среднего сословия и из шелка для аристократов. Именно о шелковых коричневых либо черных шоссах (*chauses brunes de soie / cauchement noire*) идет речь в анализируемых примерах. Таким образом, благодаря мелким бытовым деталям, фигурирующим в символическом обряде посвящения, мы можем судить о попытке «европеизировать», подогнать под знакомые читателю – европейцу стандарты облик Саладина, принимающего рыцарский обет.

Следующий этап посвящения – надевание золотых шпор как символа служения Богу и повиновения:

Aprés si li chauça uns esperons doreis et li dist: «Sire, cist esperon vos donent a entendre ke ausi vistes et ausi movans que vos volez que vos chevalz soit a le semonse de vos esperons devez vos estre au commandement de Deu siervir et Sainte Esglise maintenir et deffendre [Jubb, 2016, с.24]. – Затем он надел на него золотые шпоры и ему сказал: «Господин, эти шпоры вам дают понять, что так же быстро и так же подвижно, как вы желаете, ваш конь повинется требованию ваших шпор, вы должны повиноваться велению Бога и поддерживать и защищать Святую Церковь».

Après deus esperons li mist
Sire, tot aussi isniaus
Que vos voles que vos chevaux
Quant vos des eperons ferez
K'il voist à vos talent
Senefient chis esperon
Que vous aijez bien en corage
De Diu servir tout vostre eage
[Barbazan, 1759, с. 117]. –

Затем он две шпоры на него надел.
Господин, это также означает,
Что, подобному тому, как ваш конь,

Когда вы его прищпориваете,
Он повинуется вашей воле,
Эти шпоры означают,
Что у вас будет достаточно мужества
Служить Богу всю вашу жизнь.

Верность в служении рыцаря подобна верности коня, что подразумевало полное подчинение своему господину. В рассматриваемых примерах отражена идея смирения рыцаря перед Богом как высшим сюзереном, и это являлось основополагающей добродетелью в «кодексе чести рыцаря».

Финальный и самый важный эпизод в церемонии – опоясывание мечом:

Après il li çainst une espee a .ii. trenchans et li dist:
«Sire, cest espee vos done a entendre li uns des trenchan[s] seürté contre le diable, li autre droiture et raison [a] garder le povre del riche et le foible del fort que vilainement ne le maine». [Jubb, 2016, с.24]. –
Затем он опоясал его мечом с двумя лезвиями и сказал: «Господин, это меч вам дает понять, что одно из лезвий – это защита от дьявола, а другое – честность и разум, чтобы защищать бедного от богатого и слабого от могущественного, чтобы они с ними гнусно не поступали».

Après il li a chainte d'espée
Sire, fait-il, chou est garant
Contre l'assaut de l'anemi
Li doi trenchant font savoir
C'ades doit Chevaliers avoir
Droiture & loyauté ensele
Que plus riches nel puist laidir
Et le faible doit soustenir.
[Barbazan, 1759, с. 117]. –

Затем он его опоясал мечом
«Господин, – сказал он, – это защита
От нападения врага,
Два лезвия дают Вам понять,
Что с этого момента Рыцарь
Должен иметь честность и преданность,
Чтобы самый богатый не мог обидеть,
И он должен слабого защищать.

Приведенные фрагменты построены на оппозиции «несправедливость окружающего мира» – «добродетель, защищаемая мечом». Оппозиция вербализована противопоставлением лексем *mainier vilainement* (гнусно, мерзко обращаться с кем-либо), *laidir* в значении «плохо обращаться, оскорбить, обесчестить» (*maltraiter, outrager, deshonorer*) / *garder le povre* (защищать бедного), *faible soustenir* (защищать, поддерживать слабого).

В обоих текстах меч назван *une espee a .ii. trenchans* (меч с двумя лезвиями) – очевидно, речь идет о двулезвийном, т. е. обоюдоостром западно-европейском классическом прямом мече, которым сражались рыцари-крестоносцы высшего ранга в XII–XIII веках.

В средневековой рыцарской культуре меч символизировал силу и мирскую власть. Здесь также отражено особое отношение рыцаря к оружию: с одной стороны, можно увидеть намек на меч архангела Михаила, повергающий дьявола, с другой стороны, меч призван служить добру и защищать слабых.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставительный анализ текстов прозаического и стихотворного списков старофранцузского сочинения XIII века «Ordene de chevalerie» позволил сделать следующие выводы:

- 1) история принятия Саладином рыцарского обета, подробно изложенная в «Ordene de chevalerie», не имеет никакой исторической основы, наоборот, противоречит реальному ходу событий, этическим и эстетическим нормам, принятым у мусульман Средневековья;
- 2) легенду-аллегория анонимные авторы как прозаического, так и стихотворного списков осознанно преподносят как истинный факт в дидактических и идеолого-пропагандистских целях, описывая произошедшее с позиций ревностного католика и рыцаря-крестоносца;
- 3) характеристика главного положительного персонажа также лишена индивидуальных черт реального Гуго II де Сент-Омер из Тивериады. Гуго – герой рассказа является воплощением идеального крестоносца: это могущественный сеньор (*Sir estoit de la contrée*), военачальник (*ot grant compaignie*), мудрый (*saiges*), куртуазный (*cortois*) и высокообразованный (*dist Hues en son latin*). Тот факт, что он попал в плен, объясняется типичным для Средневековья провиденциалистским пониманием хода истории;
- 4) каждая из рассмотренных нами в статье фаз посвящения представлена как уникальный ритуал, окруженный символами с сакральным значением. В этом ритуале даже предметы повседневного быта (*lit, chaucés, robe, esperons*) или обычные действия (*mettre en un baing*) приобретают новый смысл и отражают, эксплицитно или имплицитно, христианскую и рыцарскую символику;

5) Саладин, поэтапно следуя модели поведения, предлагаемой пленным рыцарем Гуго, постепенно отрывается от своего прежнего «Я» («Я» сарацина – мусульманина, военачальника и правителя), принимает и усваивает систему ценностей западноевропейского рыцаря-крестоносца. Новое «Я» Саладина должно воплощать общечеловеческие и христианские ценности (защита слабых, помощь бедным, служение Церкви, нравственная чистота и смирение плоти), чисто рыцарские добродетели (верность господину, абсолютное подчинение Богу

как высшему сюзерену), а также следование западноевропейской рыцарской традиции в бою (сражаться двулезвийным мечом) и даже в бытовых мелочах (одеваться в *chauses* и *dras de lin*). Таким образом враг – Саладин оказывается поверженным не физической силой в бою, а силой убеждения и веры во время совершения таинства. Так достигается прагматическая цель произведения – повлиять на читателя, сформировать нужное мнение о рыцарях-крестоносцах и в целом о походе в направлении, выгодном католической церкви и сюзеренам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Edbury P.W. The French Translation of William of Tyre's «Historia»: the Manuscript Tradition // «Crusades». 2007. № 6. P. 69–105.
2. Jubb M. A. The «Ordene de Chevalerie» and the Old French Translation of William of Tyre: the Relationship of Text to Context (with an Edition of «OC») // Carte Romanze. 2016. Vol. 4(2). P. 9–36.
3. Barbazan E. Ordene de Chevalerie, avec une dissertation sur l'origine de la Langue Francoise, un essai sur les etimologies, quelques contes anciens. Et un glossaire pour en faciliter l'intelligence. Paris: Claude Herissant, 1759.
4. Recueil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Historiens occidentaux. Tome premier. Paris: Imprimerie royale, MDCCCXLIV.
5. Ле Гофф Ж. С небес на землю // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 1991. С. 28–43.
6. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.

REFERENCES

1. Edbury, P.W. (2007). The French Translation of William of Tyre's Historia: the Manuscript Tradition. «Crusades», 6, 69–105.
2. Jubb, M. A. (2016). The Ordene de Chevalerie and the Old French Translation of William of Tyre: The Relationship of Text to Context (with an Edition of OC). Carte Romanze. 4 (2), 9–36.
3. Barbazan, E. (1759). Ordene de Chevalerie, avec une dissertation sur l'origine de la Langue Francoise, un essai sur les etimologies, quelques contes anciens. Et un glossaire pour en faciliter l'intelligence. Paris: Claude Herissant.
4. Recueil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. (1845). Historiens occidentaux. Tome premier. Paris: Imprimerie royale.
5. Le Goff, J. (1991). S nebes na zemlyu. Odissej. CHelovek v istorii = From heaven to earth. Odysseus. A man in history. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Gurevich, A. YA. (1984). Kategorii srednevekovoj kul'tury = Categories of medieval culture. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Манухина Алла Олеговна

кандат филологических наук, доцент
заведующая кафедрой фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Manuhina Alla Olegovna

PhD (Philology), Associate Professor,
Head of the Department of Phonetics and Grammar of the French Language
Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	21.12.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.01.2024	approved after reviewing
принята к публикации	28.02.2024	accepted for publication